

ОТЗЫВ

на автореферат диссертации Г. Н. Боевой
«ФЕНОМЕН ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА И ЭПОХА МОДЕРНА: ПОЭТИКА,
РЕЦЕПЦИЯ, ТВОРЧЕСКИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ»,
представленной на соискание учёной степени доктора филологических наук
по специальности 10.01.01 – русская литература
(Воронеж, 2017. 40 с.)

Сегодня изучение творчества Леонида Андреева требует от исследователя решения принципиально иных задач. Столь важное ещё несколько десятилетий назад преодоление статуса малоизученного писателя сегодня относительно Андреева утратило актуальность, как и изучение его наследия вне идеологических клише. На острие современного интереса к этому автору находится его творческий феномен, и в этом отношении Андреев – фигура, до конца не постигнутая. Как явствует из заявленной **темы** исследования, его **цели** и **задач**, диссертант определил свой подход к личности писателя. Этот подход выразился в эстетической и социокультурной феноменологии эпохи модерна – с одной стороны, определяющей творческий поиск писателя, с другой, им же определяемой. Таким образом, в работе **актуализированы** два сопряженных и взаимообусловленных объекта: фигура Андреева в контексте эпохи смены культурно-литературных ориентиров и переходная эпоха в свете житетворческих практик одного из оригинальнейших её представителей. Отсюда **значимость** работы Галины Николаевны Боевой как для сугубо литературоведческих изысканий, так и культурологических.

В работе отчётливо проявляет себя тенденция к объёмному, точнее панорамному взгляду на «неклассичность» творчества Андреева в период, уникальный именно своей многоформатностью. Характерной в подходе диссертанта к предмету изучения является не только попытка «вписать» Андреева в порубежное модерн-искусство как неотъемлемый его компонент, но и развернуть андреевский феномен в широком культурном поле для более точного понимания художественных практик писателя.

В работе Г. Н. Боевой нашла отражение ставшая устойчивой за последние полвека традиция включать Андреева в широчайший культурно-литературный (отечественный и зарубежный) контекст. Сравнительно-сопоставительные исследования, целью которых, как правило, являлось осмысление «неформатной» писательской индивидуальности в системе привычных художественных координат, далеко не всегда устраняли тот «вакуум», в котором долгое время пребывало наследие писателя. Имевшее место (в основном, в немонографических трудах) количественное приращение материала далеко не всегда перерастало в истинно научное качество. В исследовании Г. Н. Боевой чисто накопительное значение сопоставительных штудий преодолено. Автор даёт новое качество в понимании «прорывных» художественных стратегий Андреева, выявляемое в разных проекциях: культурно-антропологической (т. е. на уровне самосознания «человека модерна», с. 6), рецептивной (читательского и критического восприятия, с. 17–20), дискурсивной (в диалоге с иными видами искусства и в рамках современных практик писателей разных художественных ориентаций, с. 13–17; 28–33). В связи с этим уместно ограничение исследования контекстом модной эпохи (с. 8) с характерной для такого рода исследования интенсификацией вглубь без хронологического «размывания» вширь.

Углублённый же в самую суть исследуемых явлений подход автором проработан основательно как в вопросах теоретических (пространных), так и в локально-конкретных. Безусловной заслугой диссертанта является привлечение им обширного разнопланового литературно-критического материала, его анализ и историко-культурное комментирование. Это значительно расширяет имеющиеся представления об «окололитературном» окружении и экстралитературных факторах жизни и творчества Андреева. При этом анализ ряда источников в концептуальном плане весьма показателен, а в интерпретационном – имеет «запас» исследовательской перспективы: многие материалы проработаны в оригинальном ключе и могут быть рассмотрены в качестве самостоятельных объектов нового

исследования (таковы, например, мистификации В. Е. Жаботинского или пародии В. П. Буренина).

Общая **структура** работы включает три обширных блока, достаточных и соразмерных по тематическому содержанию, концептуальной насыщенности, а также новизне затрагиваемых в них вопросов. Даже параграфы третьей главы, на первый взгляд, наиболее традиционной для «контекстных» исследований Андреева, отличны от подобных комплексностью житнетворческих стратегий, взятых диссертантом за основу сопоставления. Отличительным стал и подбор персоналий. Автором исследования представлены как традиционные параллели (Андреев–Горький, Андреев–Бунин), так и восстановленные, скажем так, в правах (Андреев–Сологуб, Андреев–Ибсен, Андреев–Пшибышевский) и совершенно новые (Андреев–Джек Лондон, Андреев–Юшкевич, Андреев–В. Каменский). В качестве краеугольных диссертантом рассмотрены интермедийная поэтика андреевского текста, пародийность (в рамках понятия «пародийная личность»), организующий текстовое пространство топос, – аспекты, давно назревшие в науке об Андрееве, но полноценной трактовки ещё не получившие. Тем значительнее и весомее сделанные диссертантом в этом направлении наблюдения и выводы. Очевидна и отличительная аналитическая манера автора, а именно частая сопредельность магистральных планов исследования и линий, им сопутствующих. Многие из последних рассматриваются расширительно, например, комплекс «вырождения» в эстетике эпохи *fin de siècle* (§ 1.1), образ женщины в искусстве декаданса (§ 1.2), специфичная природа дневников писателя (§ 1.4) и др. При этом разбор этих «смежных» категорий не создаёт ни смысловых, ни концептуальных «перекосов» в столь скупом на содержание и объём реферативном изложении.

Оценка представленных в реферате **результатов** исследования позволяет заключить, что научный поиск был предварён правильной расстановкой акцентов, верными исходными положениями, чётким пониманием коренных особенностей изучаемого материала. Это позволило

диссертанту кодифицировать анализируемые факты в систему стройных обобщений, упорядоченных, а главное, согласованных с природой исследуемого феномена умозаключений. Ярким примером того, что в работах об Андрееве ранее трактовалось «размыто», а диссертантом сведено в систему, служит классификация рецептивных сценариев (т. е. восприятия творчества писателя), систематизированных на основе культурно-идеологических позиций реципиентов текста, как-то: «реалистической» критикой, «культурной критикой» и массовым читателем (с. 11). Или, например, классификация художественных практик «оштрашения» у Андреева. Упорядочивая их в соответствии с ключевыми философско-антропологическими аспектами: социальным, экзистенциальным и метафизическим – диссертант осмысляет эстетику ужаса в характерных мировоззрению писателя вариантах (с. 19–20). Верность посылов обеспечивает работе Г. Н. Боевой прочный запас научной объективности, методологической надёжности, фактологической и интерпретационной сообразности.

При этом некоторые из представленных в реферате заключений имеют дискуссионное «послевкусие». Так, в § 2.3 механизмы художественного преобразования Андреевым реального факта продемонстрированы на примере лишь двух произведений писателя – «Сын Человеческий» и «Мои записки». Понятен выбор именно этих текстов – одних из наиболее репрезентативных в контексте андреевского наследия в целом и для демонстрации обозначенных механизмов в частности. Но заявленная в параграфе широко, как ведущий приём творческого метода писателя, гротесковая «деформация» реалий, возможно, требует вовлечения большего круга художественных произведений для её иллюстрации. Столь же, на наш взгляд, показательны для «неправильного» с точки зрения традиции реализма Андреева и его рассказы «Неосторожность», «Покой», «Жертва», «Ипатов», цикл «Мои анекдоты» (как своеобразное «продолжение» «Моих записок») и др. и, конечно же, полемика вокруг них (правда, менее активная и бурная). Возможно, ограниченность анализируемых текстов вызвана тем, что для современного

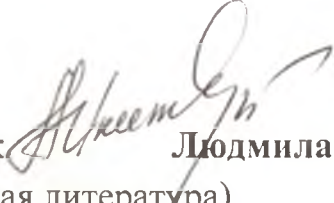
исследователя (да и читателя) вынесенный в название параграфа вопрос («Реалист ли Андреев»?) лишь риторическая фигура, а рассмотренные диссертантом «деформированные» произведения более органичны для Андреева-новатора, нежели егонемногочисленные «истинно» реалистические вещи.

В § 2.4 «Стратегии взаимодействия Андреева с читателем» диссертант указывает, что эти стратегии писателем выстраивались как намеренно (!) скандальные. Не ставим под сомнение факт имплицитных установок «на публику» у Андреева, опытного газетного хроникёра, а впоследствии писателя, весьма чуткого к фактору читательского/зрительского восприятия и приятия. Но усомнимся в выводе, что Андреев умышленно популяризировал свои новинки, превращая их, говоря современным языком, в «коммерческий» проект. Такие приёмы презентации культурных новинок во многом были подготовлены и обусловлены формами бытования литературы в начале XX века, разительно изменившимися к этому времени (что обстоятельно отмечено в автореферате диссертанта, с. 23). Особая роль журнальной и газетной периодики как источника информации, новая функция читателя – респондента – всё определяло форму диалога с ним. Укоренившись в системе общественной мысли в России рубежа XIX–XX вв., печатные издания стремились сохранить свои позиции за счёт быстрого реагирования на злободневное и поиска сенсационного. Понятно, что данный феномен несколько в стороне от анализируемого автором материала, и мы не смеем требовать деталей, поэтому наше замечание касается лишь несколько прямолинейных, порой императивных заключений о целенаправленной работе Андреева в этом направлении. Весьма чувствительное для писателя мнение публики и жажда славы (в том смысле, как определял её Горький) согласовались с возможностями прессы к анонсированию, тиражированию слова автора, транслированию на широкую аудиторию его жизни и деятельности, полемике с ним. Заинтересованность и потребность писателя в приближении к своему читателю и активная журналистская практика по освещению литературных новинок слились в единой точке и стали

взаимовыгодны, но не сводимы к расчётливому и меркантилистскому манипулированию сознанием публики со стороны писателя (чего не скажешь о публицистах).

В целом, приведённый в автореферате материал даёт полное представление о содержании работы Г. Н. Боевой, её хорошей систематизированности, концептуальности, аргументированности анализируемых фактов и положений. Интересные и важные наблюдения автора исследования нашли отражение в многочисленных публикациях, а также опыте комментирования академического Полного собрания сочинений и писем Л.Н. Андреева. Всё это позволяет заключить, что автореферат диссертации Г. Н. Боевой адекватно и полно раскрывает содержание диссертации, отвечает требованиям, предъявляемым ВАК Минобрнауки РФ к подобного рода работам, а ее автор, Боева Галина Николаевна, заслуживает присуждения учёной степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

25 января 2017 г.

Кандидат филологических наук Людмила Нодариевна Икитян
(специальность 10.01.01 – русская литература),
научный редактор издательства «Аналитика-Родис»,
телефоны: 8(495)2100554, 8(915)0569894,
e-mail: analitikaRodis@yandex.ru,
142400, Московская обл., г. Ногинск, ул. Рогожская, д. 7;
учитель русского языка и литературы,
«Школа-гимназия № 3» города Армянска,
Тел: +7(36567)32370, e-mail: gimnasiya3@mail.ru,
296012, Республика Крым, г. Армянск, м-н им. генерала Корявко, 10.
Почтовый адрес: 296012, Респ. Крым, г. Армянск, ул. Каховская, 47,
телефон: +79788226862,
e-mail: ludmilkatiran@mail.ru

